# Публично-правовые науки / Public Law Sciences

Научная статья
Original article
**DOI:** 10.12731/2576-9634-2026-10-3-284
**EDN:** LOWEYW
**УДК 347.6**

## Эволюция государственно-конфессиональных отношений и институтов свободы совести и веротерпимости в России: от крещения Руси до постсоветского периода (X-конец XX в.)

**А.В. Карева**
*Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина, Рязань, Российская Федерация*

***Аннотация***

**Обоснование.** Актуальность исследования обусловлена необходимостью переосмысления исторического опыта государственно-конфессиональных отношений в России, включающего этап существования религиозной идеологии, период относительно либерального законодательства начала XX в., советскую эпоху неприятия государством религии с временным ее возрождением в годы Великой Отечественной войны и периодом либерализации на рубеже 1980-х-1990-х гг., вызвавшим модернизацию взаимоотношений государства и церкви и конституционные изменения 2020 г. Переоценка требуется для выработки эффективной модели взаимодействия власти и религиозных объединений в условиях роста религиозности населения (83% по данным ВЦИОМ 2025 г.) и одновременного усиления рисков религиозного экстремизма. Существующие исследования нередко рассматривают имперский и советский периоды изолированно, что не позволяет выявить глубинные закономерности и преемственность в подходах государства к регулированию религиозной сферы. В работе предлагается авторская периодизация эволюции институтов свободы совести и веротерпимости, основанная на комплексном анализе правовых памятников от Крещения Руси до законов 1990 г., что позволяет сформулировать рекомендации по совершенствованию современной религиозной политики в поликонфессиональной России с целью профилактики конфликтов и противодействия деструктивным культам.

**Объект исследования.** Совокупность государственно-конфессиональных отношений и нормативно-правовых актов, регулирующих правовое положение

религиозных организаций и личную свободу вероисповедания в России с момента Крещения (988 г.) до распада СССР.

**Цель.** Предложить научную периодизацию и выявить специфику трансформации институтов веротерпимости и свободы совести в истории России, установив преемственные связи имперской, советской и современной моделей государственной религиозной политики.

**Методы.** Масштабность и важность данного исследования для современной России потребовали использования следующих методов: исторический, сравнительно-исторический, системно-структурный и сравнительно-правовой, которые в комплексе позволили составить целостное представление о развитии государственно-конфессиональных отношений на протяжении более чем тысячелетнего пути на основе анализа правовых памятников разных эпох.

**Результаты.** Выявлено, что на протяжении длительного времени в истории России личности было отказано в свободе совести, которая не воспринималась ее неотъемлемым правом, являясь феноменом ограниченной свободы, которым вправе управлять только государство. Установлена важная преемственность между Российской империей с господствующим положением православия и атеистически настроенным СССР: при всей их идейной несовместимости, оба этапа держали религию и мировоззренческую сферу в фокусе внимания, считая ее полностью подконтрольной государству, предназначенной в качестве инструмента для выполнения политических задач, отрицая при этом автономию личности, которая не способна сама сделать правильный выбор. Подтверждено, что периоды расширения веротерпимости (эпоха Екатерины II, 1905 г., конец 1980-х гг.) соответствовали времени масштабных преобразований и упрочения единства и целостности страны.

**Область применения результатов.** Материалы исследования могут выступать в качестве основы для подготовки новых научных изысканий, посвященных анализу трансформации религиозной политики в течение имперского, советского и постсоветского периодов, выявлению особенностей свободы совести как объекта политики. В образовательной деятельности по изучению истории отечественного права и государства полученные результаты предоставляют конкретные примеры исторического опыта взаимодействия с конфессиями в разные эпохи. Для политологического анализа материалы исследования способствуют раскрытию специфики управления многоконфессиональным обществом. Для религиоведения полученные результаты позволяют рассмотреть не только основы вероучения, но и социальные последствия деятельности религиозных организаций. В процессе разработки учебных курсов данные результаты могут выступить в качестве отдельных блоков (Государство и церковь в Российской империи; Государство и церковь в СССР) для подготовки модулей и тем. Практическая значимость исследования определяется возможностью использования выявленных закономерностей для выработки сбалансированной ре-

лигиозной политики, направленной на профилактику межрелигиозных конфликтов и противодействие деструктивным культам, особенно в условиях новых вызовов.

**Ключевые слова:** свобода совести; веротерпимость; государственно-конфессиональные отношения; православие; симфония властей; иерархия конфессий; имперская модель; религиозная политика; Декрет об отделении церкви от государства; атеизм

**Для цитирования**. Карева, А. В. (2026). Эволюция государственно-конфессиональных отношений и институтов свободы совести и веротерпимости в России: от крещения Руси до постсоветского периода (X-конец XX в.). *Russian Studies in Law and Politics / Российские исследования. Право и политика*, *10*(3), 34-78. https://doi.org/10.12731/2576-9634-2026-10-3-284

# The evolution of state-confessional relations and the institutions of freedom of conscience and religious tolerance in Russia: From the Christianization of Rus' to the post-Soviet period (10th-late 20th centuries)

**A.V. Kareva**
*Ryazan State University named after S.A. Yesenin, Ryazan, Russian Federation*

***Abstract***

**Background**. The relevance of this study stems from the need to re-examine Russia's historical experience with state-confessional relations. This experience spans several distinct phases: the era of religious ideology; the relatively liberal legislative period of the early 20th century; the Soviet era – characterized by state-sponsored atheism, despite a temporary revival during the Great Patriotic War; and the liberalization at the turn of the 1990s, which drove both the modernization of state-church relations and the 2020 constitutional revision. A re-evaluation is necessary to develop an effective model for interaction between authorities and religious associations. This is particularly urgent amidst rising public religiosity – which reached 83% according to 2025 VTsIOM data – and the simultaneous intensification of risks associated with religious extremism. Existing studies frequently examine the imperial and Soviet periods in isolation, a fragmented approach that precludes the identification of underlying patterns and continuities in the state's regulation of the religious sphere. This study proposes an original periodization of the evolution of institutions governing freedom of conscience and religious tolerance, based on a comprehensive analysis of legal documents from the Christianization of Rus' to the laws of 1990. Consequently, these findings enable the formulation of recommendations to improve contemporary religious policy in multi-confessional Russia, aiming to prevent conflicts and counter destructive cultic movements.

**Subject matter.** The system of state-confessional relations and the framework of legal acts regulating the status of religious organizations and individual freedom of religion in Russia from the Christianization of Rus' (988) to the dissolution of the USSR.

**Purpose.** To propose a scholarly periodization and identify the specific nature of the transformation of institutions governing religious tolerance and freedom of conscience in Russian history, while establishing the continuities between the imperial, Soviet, and modern models of state religious policy.

**Methodology.** The scale and significance of this study for modern Russia necessitated the use of historical, comparative-historical, systems-structural, and comparative-legal methods. Combined, these approaches provided a comprehensive understanding of the evolution of state-confessional relations over more than a millennium, based on the analysis of legal documents from various eras.

**Results.** It has been established that, throughout a long period of Russian history, individuals were denied freedom of conscience. This right was viewed not as inalienable, but as a form of limited freedom subject to state control. Furthermore, a significant continuity has been identified between the Russian Empire, with its dominant Orthodox status, and the atheistic USSR: Despite their fundamental ideological incompatibility, both regimes kept religion and public worldview in focus, treating them as fully subject to state control and as instruments for achieving political goals. Concurrently, both systems denied individual autonomy on the premise that individuals are incapable of making the right choice independently. Furthermore, the study confirms that periods of expanded religious tolerance (such as the era of Catherine II, 1905, and the late 1980s) coincided with large-scale transformations and the strengthening of the country's unity and integrity.

**Practical implications.** The research findings can serve as a basis for future scholarly inquiries into the transformation of religious policy across the imperial, Soviet, and post-Soviet periods, as well as the specific characteristics of freedom of conscience as a policy subject. In the context of teaching the history of Russian law and statehood, these results offer concrete historical insights into interactions with religious denominations across different eras. For political analysis, the research materials help elucidate the specific dynamics of governing a multi-confessional society. For religious studies, the findings make it possible to examine not only the tenets of religious doctrine but also the social consequences of the activities of religious organizations. When designing curricula, these results can serve as freestanding components – such as 'State and Church in the Russian Empire' and 'State and Church in the USSR' – for the preparation of course modules and syllabi. Practically, the identified patterns can inform the formulation of a balanced religious policy aimed at preventing interfaith conflicts and countering destructive cults, particularly in the face of contemporary challenges.

**Keywords:** freedom of conscience; religious tolerance; state-confessional relations; Orthodoxy; symphony of powers; hierarchy of confessions; imperial model; religious policy; Decree on the Separation of Church and State; atheism

**For citation**. Kareva, A. V. (2026). The evolution of state-confessional relations and the institutions of freedom of conscience and religious tolerance in Russia: From the Christianization of Rus' to the post-Soviet period (10th-late 20th centuries). *Russian Studies in Law and Politics*, *10*(3), 34-78. https://doi.org/10.12731/2576-9634-2026-10-3-284

## Введение

Свобода совести – одна из важнейших фундаментальных ценностей современного демократического общества, представляющая собой неотъемлемое право личности иметь любые убеждения, самостоятельно определять свое отношение к религии, исповедовать любую веру или не исповедовать никакой. Вместе с тем исторический путь реализации этого права в России был сложным и противоречивым, что делает его изучение не только академически значимым, но и практически востребованным для понимания современной модели государственно-конфессиональных отношений.

Хронологические рамки исследования охватывают период с Крещения Руси (988 г.) до распада Советского Союза и принятия законодательства о свободе совести начала 1990-х гг. Выбор этих границ позволяет проследить длительную трансформацию институтов веротерпимости и свободы совести. Отправной точкой исследования является зарождение религиозной политики в Древней Руси, заключительная часть раскрывает особенности складывания постсоветской правовой парадигмы, которая положила начало современной трактовке свободы совести в России. Обращение к истории имперского и советского опыта отношения к церкви и религии вообще, учитывая преемственность эпох в сохранении ведущей роли государства, дает возможность обнаружить определенные закономерности, проявляющиеся лишь в рамках системного и последовательного, поэтапного анализа.

Теоретическая значимость работы состоит в раскрытии особенностей трансформации отечественных государственно-конфессиональных отношений, демонстрирующих диаметрально противоположный западноевропейскому путь развития. Если на Западе свобода совести рождалась и формировалась постепенно в ходе борьбы против церковного диктата и государственного давления, то

в России в течение длительного времени духовная сфера находилась в центре внимания государства, считающего себя вправе держать ее под контролем.

Актуальность и значимость исследования связана с изменением роли и места религии в современном российском обществе, что требует нового ретроспективного анализа разных вариантов взаимосвязи власти и конфессий на протяжении всего исторического пути для поиска и построения наиболее целесообразного направления развития в условиях многонациональной и многоконфессиональной России. Религиозные организации активнее заявляют о себе, участвуя в социальных проектах и дискуссиях по вопросам общественной нравственности, взаимодействуют с властью, что в России, как в светском государстве, вызывает вопросы о границах их влияния и механизмах государственного регулирования. Феномен свободы совести также выступает своеобразным индикатором реального уровня либерализации политического режима. Кроме того, дискуссионность вопросов о свободе совести, веротерпимости делает необходимым научно обоснованное разграничение этих понятий для выработки взвешенной государственной политики.

Особое значение это имеет для России, где православие по прошествии тысячи лет остается самой распространенной конфессией. По данным опросов ВЦИОМ 2023 г. 57% россиян являются последователями православия. 5% относят себя к приверженцам ислама. Неверующими считают себя 19% граждан [21]. По опросам ВЦИОМ 2025 г. доля верующих выросла до 83%. Прирост происходит в основном за счет молодежи в возрасте 18-24 лет, приобщающихся к православию [1]. Все это указывает на усиление религиозных настроений в обществе в последние годы, причем не только российском [11, с. 180-181]. Рост числа верующих, особенно в молодежной группе – выразительный индикатор, свидетельствующий о религии как важном социальном институте и о востребованности традиционных духовных ценностей.

Однако наряду с этим присутствуют и противоположные тенденции, связанные с религиозным экстремизмом, который представляет

собой одну из злободневных мировых проблем, известных многим странам и нередко имеющих исторические корни [8, с. 118]. В настоящее время усиление социальной мобильности, рост миграционных потоков и расширение межэтнического и межкультурного взаимодействия, происходящих на фоне изменения системы общественных ценностей, ведет к нарастанию нетерпимости и активизации радикальных, экстремистских настроений на религиозной почве, вызванных ощущениями социальной несправедливости и отчуждения. Эффективное противодействие этому возможно лишь при совместных усилиях государства и общества с привлечением традиционных религиозных конфессий [3, с. 74, 86]. При этом противодействие должно носить комплексный характер, предполагающий не только совершенствование действующего законодательства и государственной политики, направленной на улучшение межконфессиональных и межэтнических отношений, но и оптимизацию взаимодействия государства и религиозных объединений [8, с. 121].

Проблемы, связанные с историей государственно-конфессиональных отношений и свободы совести в России, находятся в центре внимание исследователей на протяжении длительного времени. В дореволюционной историографии преобладал церковно-исторический подход, характерный для трудов Н.М. Никольского, А.И. Клибанова, выявляющих институциональную роль православной церкви и принципы ее взаимодействии с государством [17; 12]. В советской историографии религию рассматривали в основном как пережиток прошлого, а политику государства – как стратегию создания атеистического общества [14; 23].

В современной отечественной науке сложилось несколько направлений изучения данной проблематики. В условиях дискуссионности вопросов о свободе совести, границах веротерпимости особый интерес вызывают публикации, раскрывающие проблемы соотношения понятий «свобода совести» и «свобода вероисповедания», а также определения границ их законодательного регулирования. Данная проблематика находится в центре внимания О.А. Иванюк [9].

Ряд исследователей посвятили свои работы изучению политики веротерпимости в дореволюционной России. А.П. Таламанюк, рас-

крывая особенности взаимоотношения московских князей с разными конфессиями в XIV-XVII вв., отмечает, что вероисповедная политика Российского государства носила избирательный характер, проявляя особый интерес к мусульманам и ограничивая католиков. Стремление государства придерживаться принципов веротерпимости способствовало предотвращению межнациональных и межрелигиозных конфликтов, укреплению единства и целостности страны, а также привлечению иностранных специалистов [25]. К.В. Петухов исследует эволюцию норм уголовного дореволюционного законодательства за нарушения свободы совести и вероисповеданий, что первоначально отражалось в церковном законодательстве, предусматривающем ответственность за преступления против веры, а в дальнейшем получило закрепление в Соборном Уложении 1649 г., в котором государство на первое место определило преступления против веры и церкви. Анализируя развитие уголовного законодательства России в XVIII-XIX вв., автор отмечает тенденцию к его ужесточению, а в условиях признания за православием статуса государственной религии исповедание иной религии уже считалось преступлением [20].

Другие ученые исследуют причины и сущность изменений религиозной политики в Российской империи, ее тенденцию к либерализации и влияние на дальнейшее утверждение свободы убеждений. Работа В.С. Хижняк и М.Н. Лядащевой-Ильичевой посвящена исследованию взаимодействия власти и церкви в условиях Российской империи. Авторы, анализируя религиозную политику, проводимую представителями династии Романовых через обращение к указам императоров, отмечают ее преемственность и относительно стабильный характер, ориентированный на поддержание целостности государства и недопущение межконфессиональных конфликтов. При этом Романовы, воспринимая РПЦ как идеологическую опору государства и укрепляя ее позиции, стремились сохранить контроль над ней [26]. М.А. Орлов, характеризуя в своей работе христианские государства Европы, отмечает превращение идеи веротерпимости в данных обществах в нетерпимость к иным исповеданиям. Анали-

зируя основы взаимоотношений государства и церкви, принципы веротерпимости по отношению к «инославным» и «иноверным», заложенные в Московском государстве и отраженные в идее «Третьего Рима», автор указывает, что именно это явилось обоснованием для верховной власти защищать чистоту веры, ограждая ее от чуждых воздействий. Все это получило продолжение в Российской империи, где веротерпимость, несмотря на ограниченный характер в силу господствующего положения православия, тем не менее имела тенденцию к расширению [19]. Л.Ю. Мхитарян анализирует предпосылки становления и формирования государственно-конфессиональных отношений и возможности реализации принципа веротерпимости в имперский период, особо выделяя вклад Екатерины II и Николая II. Автор раскрывает значение прошлого опыта и стремлений к установлению в России принципа свободы совести для реализации его в полном объеме в современной многонациональной России издавна являющейся православным государством [16]. С.А. Лукьянов в своей работе анализирует особенности политики веротерпимости при Александре I, которая в начальный период правления была достаточно либеральной, проявляясь в разнообразных нововведениях. Рассматривая религию как инструмент просвещения, власть смягчила отношение к конфессиям, исключив жесткие меры. Для проведения согласованной политики в отношении неправославного населения в 1810 г. было учреждено Главное Управление духовных дел иностранных исповеданий. В 1812 г. было образовано «Библейское общество», которое распространяло и издавало религиозные тексты. В 1817 г. было создано Министерство духовных дел и народного просвещения, призванное объединить религию и просвещение [15]. Исследование А.А. Дорской, отмечающее приоритет православной веры, сосредоточено на сравнительном анализе отношения власти к представителям христианских и нехристианских исповеданий [4].

Отдельные публикации раскрывают трансформацию конфессиональной политики на стыке эпох, когда происходит революционный переход на новый вектор развития. А.А. Дорская, рассматривая изменения отечественной политики веротерпимости, особенности

утверждения свободы совести, обращается к законодательству имперского и советского периодов, а также современной России, которое демонстрирует значительную трансформацию в понимании и реализации свободы совести, признание мировоззренческого выбора самим человеком, но с возможностью введения обоснованных ограничений в общих интересах для поддержания общественного порядка. Исследование государственно-церковных отношений в Российской империи при наличии государственной религии, позволили автору проследить изменения в трактовке свободы совести и ее воплощения на практике, а также выявить специфику законодательного определения свободы совести. Анализируя новую концепцию свободы совести, получившую отражение в советских конституциях, Дорская, отмечая их преемственность, указывает на тенденцию к конкретизации и отказу от религиозной пропаганды, закрепленной в Конституции РСФСР 1918 г., в пользу атеистической пропаганды по Конституции СССР 1977 г. [5]. Работа О.К. Шиманской посвящена теоретическим аспектам свободы совести и вероисповеданий, выявлению и характеристике основных мировых моделей, а также соотнесению их с отечественным историческим опытом. Автор рассматривает изменение принципа свободы совести, анализируя постановления Временного правительства, декреты Советской власти, законодательство современной России, которое заложило основы новой модели государственно-конфессиональных отношений [27].

Исследуя советскую эпоху, ученые обращают внимание на особенности существования религии и религиозных организаций в условиях жесткого давления административно-командной системы, анализируют комплекс инструментов государственного контроля и принуждения в духовной сфере. И.И. Кожевников, рассматривая особенности конструирования и совершенствование уголовного законодательства, связанного с преступлениями против свободы совести и вероисповедания, утверждает, что уголовное право, ориентированное на антирелигиозную стратегию, было направлено на противодействие религии, а не ее защиту [13]. С.М. Зинчук, анализируя характер взаимоотношений церкви и государства во время

хрущевских гонений, указывает на неэффективность официальной антицерковной политики и неудачу антирелигиозных кампаний, отмечая устойчивость церкви в условиях открытого давления и раскрывая причины провала данных мер [7]. Д.И. Сазонов, исследуя своеобразие брежневской эпохи, отличающейся отсутствием демонстративного, откровенного административного давления на религиозные организации, создающим общее представление кажущейся внешней «стабильности», подтверждает сохранение полного контроля над этой сферой и притеснение верующих, что объяснялось приверженностью прежней стратегии в отношении церкви, нацеленной на ее ликвидацию как пережитка [22].

Некоторые работы посвящены анализу взаимосвязей власти и конфессий на всем историческом пути. А.В. Новиков, исследуя поэтапную историю взаимоотношений власти и церкви, отмечает их особенности, меняющиеся в зависимости от характера власти, типа государства, политического режима, современной ситуации, которая требует формирования модели государственно-церковных отношений, основанной на партнерстве и сотрудничестве, способствующей сохранению традиционных духовных ценностей, формированию идентичности и позволяющей решать важные социальные задачи [18].

Особого внимания заслуживают исследования, создающие панорамный взгляд на государственно-конфессиональные связи и проблемы веротерпимости благодаря многоаспектному анализу. Е.М. Жукова, раскрывая историю становления и утверждения принципа веротерпимости на Руси, в России на основе социокультурного, философского и геополитического подходов, отмечает, что это был результат влияния территориального, географического и природно-климатического факторов, которые определили особую роль принципа веротерпимости в полиэтничном, поликонфессиональном обществе [6]. А.А. Саидов, используя цивилизационный подход, исследует влияние географического, евразийского расположения России на формирование многонационального, поликонфессионального государства, где важное значение традиционно придавалось принципам веротерпимости и лояльности. Особое внимание автор уделяет

эволюции взаимоотношений православия и ислама в доимперский период, строящихся на основе прагматизма, сотрудничества с мусульманскими элитами и диалога православной и мусульманской культур [23].

И.В. Гусаим, Д.В. Иванов в своих работах раскрывают причины распространения радикальных религиозных взглядов и роста правонарушений экстремистского характера. Определяя стратегию противостояния данным проявлениям, авторы подчеркивают роль религиозных объединений в профилактической работе и противодействии экстремизму [3; 8].

Однако, несмотря на разнообразие работ по данной тематике, историография отличается неполнотой.

Исследования имперского и советского периодов нередко проводятся изолированно, без выявления глубинной преемственности в подходах государства к регулированию религиозной сферы. Комплексное историко-правовое исследование, охватывающее эволюцию религиозной политики и трансформацию веротерпимости от Древнерусского государства до постсоветской России как единый процесс, отсутствует. Данная работа призвана восполнить этот пробел, предложив авторскую периодизацию и обосновав тезис о преемственности имперской и советской моделей управления религиозной сферой.

Новизна работы состоит в исследовании эволюции государственно-конфессиональных отношений в России, отличающейся циклическим характером, когда виток жесткой конфронтации сменялся временным смягчением курса. Выявляется глубинная преемственность между имперской и советской моделями религиозной политики: при видимой идеологической противоположности обнаружена общая сущностная черта - отношение к религии не как к частному делу гражданина, а как к объекту государственного регулирования. Обосновывается тезис о том, что периоды более гибкой конфессиональной политики и расширения веротерпимости (эпоха Екатерины II, события 1905 г., трансформация конца 1980-х гг.) совпадали с этапами активной модернизации, укрепления государства. Раскрывается специфика

российской модели веротерпимости как «иерархии конфессий», сложившейся к концу XVII в. и предполагавшей неравенство религий в правах и привилегиях.

Гипотеза исследования. Понятие «свобода совести» на протяжении большей части российской истории – как в имперский, так и в советский периоды – выступало не в качестве неотъемлемого права личности, а как управляемый государством ресурс, границы которого определялись политической целесообразностью. Несмотря на идеологическую противоположность самодержавной империи и атеистического Советского Союза, между ними существует глубинная преемственность, выражающаяся в недоверии к автономии личности в вопросах веры и в стремлении государства контролировать мировоззренческую сферу. При этом Крещение Руси представляло собой не только религиозный, но и фундаментальный геополитический и цивилизационный выбор, определивший вектор развития страны на столетия вперед и влияющий на него до сих пор.

**Материалы и методы**

Материалы исследования. Эмпирическую базу работы составили три группы источников. Первая группа – законодательные памятники Древней Руси и Московского царства: Устав князя Владимира, Соборное Уложение 1649 г. Вторая группа – нормативно-правовые акты Российской империи: Манифест Петра I 1702 г., Указы Петра III и Екатерины II, Свод законов Российской империи, Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г., Указ «Об укреплении начал веротерпимости» 1905 г. Третья группа – советские законодательные акты: Декрет СНК «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» 1918 г., конституции РСФСР и СССР (1918, 1936, 1977 гг.), УК РСФСР 1922 и 1960 гг., Постановления ВЦИК и СНК РСФСР «О религиозных объединениях» 1929 г., а также законы СССР и РСФСР о свободе совести 1990 г. В работе были использованы труды отечественных исследователей по истории церкви и государственно-конфессиональным отношениям, а также данные социологических опросов ВЦИОМ.

Методология исследования основана на комплексе общенаучных и специально-юридических методов. Исторический метод позволил проследить эволюцию религиозной политики в хронологической последовательности. Сравнительно-исторический метод дал возможность сопоставить различные этапы (имперский, советский) для выявления сходств и различий в подходах государства к регулированию религиозной сферы. Системно-структурный метод применен для классификации конфессий по иерархическому принципу, разделяя религии на господствующую, терпимые и нетерпимые. С помощью сравнительно-правового метода был проведен анализ нормативных документов разных эпох для установления преемственности и изменений в правовом статусе религиозных организаций.

Исследование предусматривает привлечение терминов, позволяющих обнаружить логику и тенденции в развитии государственно-конфессиональных отношений в течение всего исторического пути и раскрыть их суть. Свобода совести предполагает не только свободу религиозных убеждений и исповедания любой религии, но и свободу не исповедовать никакой религии, то есть право на атеизм.

Вероисповедание подразумевает возможность придерживаться любой религии. Веротерпимость означает право на существование другой религии, терпимое отношение к иным верам. Тем самым, свобода вероисповедания, предусматривающая свободу выбора религии, исповедания веры, открыто демонстрируя свои взгляды и выполняя религиозные обряды, представляет лишь элемент свободы совести [9, с. 57].

**Результаты и рассуждения**

В ходе исследования были выделены и проанализированы ключевые этапы эволюции государственно-конфессиональных отношений, на каждом из которых подтверждается выдвинутая гипотеза о том, что религиозная сфера находилась под контролем государства.

Институционализация религиозной политики началась с Крещения Руси (988 г.), когда христианство восточного образца было провозглашено государственной религией. В условиях огромных

территорий и слабого развития экономических связей, язычество не могло обеспечить идеологическое единство полиэтничного государства. Все это заставляло князя Владимира ориентироваться на интеграционные возможности будущей религии, учитывая евразийское расположение Руси. Крещение стало не только сакральным, но и геополитическим, цивилизационным выбором, определившим вектор развития на столетия, обозначившим начало становления государственно-конфессиональных отношений.

Вместе с ним Русь восприняла и византийскую модель «симфонии властей», как модель сотрудничества и взаимной поддержки церковной и государственной властей, при условии идеологического господства православия, что идеально подходило для православных государств. Вместе с тем, «симфония властей» не являлась препятствием к веротерпимости, которая на разных этапах трактовалась и реализовывалась ситуативно.

Крещение Руси способствовало становлению церковного законодательства и института уголовной ответственности за преступления против религии. Особый статус православия начал закрепляться в Уставе князя Владимира, где устанавливались основы церковной власти и юрисдикции церковного суда за преступления против веры. При Ярославе Мудром данный процесс продолжился, проявившись в ужесточении церковной дисциплины. Все это указывало на утверждение общей стратегии укрепления христианства в русских землях [20, с. 134]. Фактическое утверждение единоверия шло медленно и неравномерно. Особенность формирования представлений о свободе совести состояла в длительном сохранении языческих славянских верований в народной культуре (двоеверие), которые, переплетаясь с христианской верой, серьезно влияли на различные сферы жизни общества, а в последствии - на понимание и оценку иноверцев [10, с. 47]. Между тем домонгольская Русь отличалась относительной веротерпимостью, что объяснялось влиянием разных факторов: язычеством с его многобожием, принятием христианства с его любовью к ближнему, веротерпимым отношением, милосердием, необходимостью развивать внутреннюю и внешнюю торговлю.

Монгольское завоевание Руси привело к укреплению веротерпимости, являющейся отличительной чертой политики Золотой Орды. «Великая Яса» Чингисхана предписывала уважать все верования, не отдавая предпочтение никакой религии, что давало возможность мирно сосуществовать традиционным монгольским языческим верованиям, христианству и исламу [23, с. 47-48]. Такая продуманная политика позволяла удерживать власть над покоренными народами многонационального государства, не провоцируя в нем религиозную вражду, обеспечивая стабильность и порядок. Благодаря этому Русская Церковь получала охранные ярлыки и освобождалась от дани, а духовенство – иммунитет от преследований за веру при условии благонадежности. Именно это заложило традицию терпимого отношения государства к лояльной церкви в обмен на политическую покорность. Московское государство усвоило подобный опыт. Тем более что исторические уроки известных империй доказывают укрепляющую, консолидирующую роль принципа веротерпимости и религиозного многообразия. Отказ от него грозит разрушительными последствиями [6, с. 34].

Постепенно мусульман, прибывающих в Московию, становилось все больше. Это потребовало выработать взвешенную политику веротерпимости, которая бы позволила включить иноверцев в общественное и религиозное пространство страны. Отношение московских князей к мусульманам было противоречивым. Охотно принимая их на военную службу в княжеское войско, продвижение в других сферах ограничивалось. Поддерживая православие, князья ущемляли права иноверцев на свободное исповедание ислама, запрещая строить мечети, проводить публичные богослужения. Наиболее показательным фактом выражения принципа веротерпимости в отношении мусульман является основание в середине XV в. Касимовского царства [25, с. 69]. Однако с присоединением к Московии Казанского, Астраханского, Сибирского ханств ситуация менялась, что было вызвано значительным притоком мусульман с этих территорий. Российское государство решило их интегрировать в общественную жизнь через христианизацию, ставшую основным ориентиром вероисповедной политики России с конца XVI в. Церковь призвана

была обратить в православие как можно больше иноверческого населения. Вместе с тем, по отношению к новым подданным Москва проводила довольно гибкую и прагматичную политику, предполагающую налаживание сотрудничества с мусульманскими элитами, но при условии их лояльности, чтобы не допустить сопротивление мусульман новым властям. В данной системе взаимоотношений проявлялась евразийская сущность российского государства [23, с. 50]. Между тем в отношении представителей католической веры, помня о борьбе с западными завоевателями - рыцарями-крестоносцами, сложился негативный курс, воспринимающий католический Запад в качестве врага [25, с. 70]. Данные изменения происходили при Иване IV, которому удалось не только укрепить монархию, но и свою личную власть, что сопровождалось усилением церковной централизации и утверждением приоритета государственной власти, взявшей на себя функции охраны «правой веры» и борьбы с еретическими учениями и вольномыслием.

Государственная власть, опирающаяся на православие, нуждалась в идеологическом фундаменте самодержавия в XV–XVI вв. Воплощением сращивания политической власти с религиозной стала концепция «Москва – третий Рим», ставшая идеологической основой для охраны «истинной веры». Все это привело к сужению веротерпимости, а принадлежность к Православной церкви стала признаком политической идентичности [20, с. 134].

Церковный раскол, спровоцированный реформами патриарха Никона, вызвал массовое движение против изменений в богослужении, за старую веру – старообрядчество. Идеология раскола во многом определялась протестом против господствующей церкви, значительно влиявшей на жизнь общества и претендующей на положение государства в государстве [12, с. 36]. Раскол продемонстрировал кризис «симфонии властей» и привел к установлению контроля над церковью со стороны царя, который взял в свои руки защиту «правой» веры. По отношению к старообрядцам применялись жесткие меры, их лишили права на свободу вероисповедания на долгое время [25, с. 71].

Для поддержания единства и стабильности в стране, укрепления власти и авторитета государя веротерпимость постепенно приобретала обязательный характер, что особенно было важно для присоединенных территорий. Политика веротерпимости, проводимая в новых землях, содействовала укреплению территориальной целостности и политической стабильности страны. Подобную стратегию в сочетании с прагматичным подходом государство проявляло в отношении иностранных подданных, принадлежащих к разным конфессиям и являющихся ценными специалистами [25, с. 71]. Однако в отношении старообрядцев и сектантов свобода вероисповедания отсутствовала.

Тем самым, политика веротерпимости в Московском государстве была противоречивой и избирательной. Полная свобода вероисповедания предоставлялась православию. Верующие неправославных конфессий, особенно старообрядцы и, отчасти, католики испытывали существенные ограничения, тогда как к протестантам власть относилась более лояльно. К концу XVII в. сложилась «иерархия конфессий» («конфессиональная изоляция») - неформальное деление религий на три группы (их неравенство в правах и привилегиях) по степени государственной терпимости к той или иной религии. Отсутствие юридического закрепления этого позволяло государству регулировать объем религиозной свободы исходя из политических интересов. К первой группе относилось православие, как господствующая религия с исключительным правом на свободу вероисповедания. Ко второй - терпимые конфессии (ислам, буддизм, иудаизм, лютеранство, по внешнеполитическим причинам – католицизм). Третья группа включала секты (прежде всего старообрядцы – раскольники), деятельность которых преследовалась. Политика веротерпимости здесь не действовала [25, с. 71-73]. Соборное Уложение 1649 г., как свод светских законов, закрепило верховенство государственной власти над церковной, признав православие господствующей религиозной идеологией [10, с. 70] и определило наказания за преступления против православной веры и церкви. Это означало законодательное закрепление неравенства конфессий и отсутствие

свободы совести и вероисповеданий, что стало правовой основой для реализации идеи нетерпимости государства к выступлениям против церкви [20, с. 134-135; 25, с. 70]. При этом терпимость к мусульманам и протестантам, как иностранным специалистам, объяснялась государственной целесообразностью и прагматическим подходом.

Таким образом, закрепление неравенства конфессий, ставшее важнейшим результатом данного этапа, способствовало утверждению модели, где веротерпимость носила избирательный и утилитарный характер.

Преобразования Петра I стали логическим продолжением тенденции к огосударствлению церкви, начатой еще в XVII в. Церковь уже в то время, по мнению Н.М. Никольского, в сфере управления и культа превратилась в один из московских приказов, что вынуждало даже патриарха мириться с контролем со стороны царя и боярской думы [17, с. 114]. К моменту проведения реформ Петра государственно-конфессиональные отношения нуждались в обновлении. С одной стороны, Петр стремился укрепить церковь, а с другой - лишить ее самостоятельности. Грандиозные новации царя привели к упразднению патриаршества и учреждению Святейшего Синода. Отказ Петра от византийского принципа симфонии властей привел к трансформации российской государственности, став отражением отечественного процесса секуляризации [11, с. 174]. Это превратило церковь в часть государственного аппарата, что означало завершение ее подчинения целям и задачам самодержавной власти. При этом Петр, нуждаясь в единой государственной идеологии, стремился упрочить ведущее положение православия.

Грандиозные новации Петра I выразились не только в подчинению церкви государству, но и допущению иноверцев к участию в модернизации страны из прагматичных соображений и экономических интересов. При Петре законодательно провозгласили свободу вероисповедания для иностранцев. Согласно Манифесту от 16 (27) апреля 1702 г. «О вызове иностранцев в Россию, с обещанием им свободы вероисповедания» в страну приглашались граждане западноевропейских стран, которые, наряду с правом свободного въезда

и выезда, получали в России право на свободное отправление богослужения [10, с. 47-48]. Это способствовало прорыву конфессиональной изоляции, сложившейся к концу XVII в. Были разрешены браки православных с иноверцами.

Следующий шаг на пути формирования веротерпимости был сделан в правление Петра III, в результате Указа о веротерпимости или о равенстве вероисповеданий от 29 января (9 февраля) 1762 г. Раскольникам, покинувшим страну, разрешалось вернуться в Россию и жить по своим обычаям. Раскольников, содержавшихся под караулом, следовало освободить. Запрещались гонения на инородцев на почве религиозных разногласий [5, с. 18].

Екатерина II продолжила данную политику, осуществив важные государственно-конфессиональные реформы. Провозглашенный Екатериной курс позволил иностранцам и лицам без гражданства и подданства обрести религиозную свободу. В соответствии с Указом 1773 г. «О терпимости всех вероисповеданий» право на существование получали все религии в стране. Отныне дозволялось возводить мечети, мусульманское духовенство получило льготы. Дела «иноверцев» переходили в юрисдикцию светских властей, что особенно важно было для мусульманского населения. Во многом это объяснялось необходимостью колонизации Поволжья, освоением новых земель и контролем над тюркскими народами для их включения в политико-правовое пространство страны. Тем самым, терпимость в правление Екатерины стала инструментом интеграции окраин. Прогрессивным стало создание общероссийской системы религиозного управления, что выразилось в учреждении должностей духовных лидеров католиков, мусульман, буддистов [16, с. 46]. При всех конструктивных шагах императрицы воплотить в жизнь идею свободы вероисповедания в условиях Российской империи, где власть опиралась на православие, доминирующее положение которого оставалось незыблемым, не представлялось возможным.

Первая половина XIX в. отличалась наличием противоречивых тенденций: консервативно-охранительного курса С.С. Уварова и назревшей необходимостью преобразований. В правлении Александра

I реализация веротерпимости отличалась неоднозначностью. В начале его политика носила либеральный характер, что проявилось в конструктивном восприятии религии как средства просвещения и нравственного ориентира, в послаблении в отношении конфессий, смягчении к «иноверцам», а также к тем, кто по неграмотности и невежеству могли ошибаться, не будучи закоренелыми преступниками. Именно на этом настаивал император в Указе от 27 ноября 1801 г., призывающий чиновников относится снисходительно к таким людям, стремясь не к строгости наказания, а к терпеливому разъяснению**.** Подобного отношения требовал и Рескрипт от 9 апреля 1801 г. (о расколе), обращенный к губернаторам и позволяющий духовенству наставлять и просвещать «заблуждающихся» без строгости и притеснения, но при условии поддержания порядка и сохранения контроля.

Учитывая степень веротерпимости в вероисповедной политике государства, которая во многом определялась личными взглядами Александра I, его эпоху современники считали «золотым веком русского раскола», поскольку к их представителям тогда относились наиболее терпимо. В стране процветали сектантство и мистицизм. В делах об иноверии отказались от применения карательных мер. Такой же подход был характерен и по отношению к «изуверским» сектам. Осуществлять единый курс в отношении неправославных жителей и проводить контроль в этом направлении было призвано Главное Управление духовных дел иностранных исповеданий, созданное в рамках МВД Манифестом от 25 июля 1810 г. В 1812 г. обер-прокурором Синода князем А.Н. Голицыным было образовано «Библейское общество», которое под покровительством Александра I занималось распространением и изданием священных текстов на разных языках, включая языки народов Российской империи. При этом высшие иерархи Православной церкви выражали общее недовольство руководством «Библейского общества», в котором им отводилась второстепенная роль. Другим нововведением Голицына стало учреждение в 1817 г. Министерства духовных дел и народного просвещения, которое отразило стремление власти объединить обра-

зование и религию, сделав ее основой системы просвещения. Православное духовенство отнеслось негативно к уравнению ведомства Православной церкви с ведомством других исповеданий, оценивая подобную взаимосвязь как ущемление ее позиций. В последствии в 1824 г. это министерство была упразднено [15, с. 300-301]. Во второй половине царствования Александра I произошло значительное сужение веротерпимости, что привело к ограничению «иноверцев», а православие, получив значительную поддержку, проводило широкую миссионерскую работу, усиливая свои позиции в государстве.

В правление Николая I веротерпимость носила ограниченный характер. Государство защищало господствующее положение православной церкви, что отразилось в формуле «Православие - Самодержавие - Народность», указывающей на религию, как инструмент укрепления единства империи и обеспечения политической стабильности. Несмотря на официальное признание различных вероисповеданий в Своде законов Российской империи и возможность свободного совершения религиозных обрядов, иноверцы испытывали серьезное давление в вопросах веры, доходящее до многочисленных преследований. Жесткое отношение к старообрядцам, временно отступившее, вновь возобновилось [4, с. 215]. По мере развития уголовного законодательства наказания за преступления против веры ужесточались. В соответствии с «Уложением о наказаниях уголовных и исправительных» 1845 г. за подобные преступления предусматривалась суровая кара. Особыми видами преступлений считались совращение из православия, распространение ересей и расколов. К виновным применялась система карательных мер. Все нормы устанавливали первенствующее положение православной церкви.

Александр II продолжил данный курс. Преданный православию, царь активно защищал церковь, одновременно укрепляя ее позиции в обществе и сохраняя господствующее положение государства над ней, устанавливая контроль над ней и используя для осуществления преобразований. Тем не менее для вероисповедной политики царя была характерна тенденция к расширению прав верующих и приходского духовенства. Смягчилось отношение к старообрядцам, благо-

даря утвержденным в 1864 г. Александром II Правилам. Гонения на часть из них прекратились, однако некоторые ограничения остались. Старообрядческие толки, лояльные к власти, могли проводить богослужения как в частных помещениях, так и в молитвенных зданиях, а также создавать свои школы и свободно перемещаться. Позже был издан Закон от 19 апреля 1874 г., содержащий правила записи браков, рождения и смерти старообрядцев в особые метрические книги, что позволяло считать их брак зарегистрированным государством, а их детей признавать законорожденными, благодаря чему семейные отношения этой категории населения были урегулированы. В перспективе император намеревался укрепить и расширить личные и гражданские права духовенства [26, с. 40], а в процессе реализации одной из буржуазных реформ предполагал провозгласить свободу совести, для чего специально разрабатывался Манифест, но гибель царя отложила это [5, с. 18].

Данный вопрос получил определенное разрешение только в начале XX в., при Николае II, когда революционная ситуация заставила власть обновить религиозную политику. Все указывало на кризис имперской модели отношения к церкви и свободе вероисповедания, сохранение которой могло спровоцировать рост напряженности. Несмотря на то, что имперская политика формировалась исходя из принципов государственной целесообразности, позволяющих «иноверцам» жить по своим обычаям, господствующее положение в государстве занимала православная церковь, в связи с чем иные вероисповедания оказывались в притесненном состоянии [4, с. 222].

Указ «Об укреплении начал веротерпимости» от 17 (30) апреля 1905 г. стал первым, но ограниченным шагом к свободе совести, официально закрепив принцип веротерпимости. Подданные могли переходить из православия в христианские исповедания, что означало фактическое провозглашение свободы вероисповедания, не влекущее преследований и лишений гражданских прав. Указ, положительно отразившись на религиозной ситуации, не установил равенства всех вероисповеданий, сохранив приоритет православия. Тем не менее он вызвал смягчение уголовного законодательства, отказ от репрес-

сивных мер за отход от христианства, амнистию за преступления против веры [2, с. 49]. Были узаконены старообрядческие общины. Николай II, будучи по-настоящему верующим человеком, был примером благочестия, содействуя возведению храмов, жертвуя личные средства на их постройку, поддерживая миссионерскую деятельность. Он считал православие проводником государственной политики, полагая с помощью церкви справиться с волнениями и беспорядками, распространявшимися в обществе [26, с. 40-41]. Однако РПЦ в изменившихся условиях была не в состоянии эффективно осуществлять прежнюю роль. Ситуация осложнялась тем, что в российском обществе активизировалась пропаганда иных конфессий, которые могли соперничать с православием, что значительно уменьшало воздействие царской власти, базирующейся на православие. Исходя из этого власть стремилась не только поддержать дореформенные позиции церкви, но и укрепить их, что было возможно только сохранив православие в качестве господствующей религии. А это, в свою очередь, вызывало ограничение веротерпимости в интересах православной церкви, к которой относились и сами императоры, защищающие православную веру от чуждой пропаганды.

Такое покровительственное и вместе с тем отеческое отношение было связано с тенденциями патернализма, которые в той или иной степени присутствовали в отечественной исторической традиции и объяснялись ведущей ролью государства в жизни общества и каждого человека. Отеческая забота государства сочеталась с неизменным контролем за населением через регулирование всех сфер жизни. Примечательно, что власть, защищая православие и отстаивая интересы православной церкви, что приводило к ограничению иных вероисповеданий, тем не менее не допускала проявлений геноцида [19].

Между тем с законодательным закреплением церкви в начале XX в. сложилась парадоксальная ситуация. По Основным Законам Российской Империи православие обладало статусом господствующей религии, но документ, который был регулировал данное состояние, отсутствовал, при этом основные инославные и иноверческие вероисповедания располагали соответствующими уставами. Все это

ставило «главенствующее» православие в юридически бесправное и подчиненное государству положение. В сложившихся обстоятельствах даже Указу 1905 г., при всей его значимости, не удалось исправить ситуацию и уточнить юридические основания взаимоотношений империи и религий [2, с. 49].

До Февральской революции 1917 г., упразднившей самодержавие, православная церковь оставалась частью государственного аппарата. Временное правительство, отменив вероисповедные ограничения, учредило Министерство исповеданий. Но эти меры не успели закрепиться на практике. В постановлении «О свободе совести» от 14 июля 1917 г. под свободой совести, по-прежнему, понималась веротерпимость, признавалось внеисповедное состояние. Православная церковь сохраняла господствующее положение, как религия большинства населения страны [10, с. 49].

Советский период стал наиболее радикальным этапом трансформации. В отличие от имперской модели, основанной на принципе «господствующей церкви» с элементами ограниченной терпимости, советский проект с самого начала взял курс на вытеснение религии из публичной и частной сферы. Первые документы советской власти полностью изменили положение религии и религиозных организаций. Монастырские и церковные земли подлежали национализации. Регистрация актов гражданского состояния передавалась государственным органам.

Декрет СНК «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» от 23 января 1918 г. означал разрыв с традицией и попытку формирования нового человека. Религиозные организации лишались прав юридического лица и собственности. Советское государство, провозгласив свободу совести, закрепило ее в Конституции РСФСР 1918 г., когда она вошла в систему прав и демократических свобод. Церковь отделялась от государства, все прежние формы союза церкви и государства упразднялись. Школа отделялась от церкви, вводилась государственная система светского образования. Тем самым, Декрет 1918 г. провозгласил отделение церкви от государства, однако фактически привел к формированию системы государственного атеизма.

Следующим этапом стали 1920-е гг. При относительной религиозной активности в условиях НЭПа, когда действовали обновленческие группы, сложившиеся внутри православной церкви, происходило изъятие церковных ценностей, сопровождавшееся репрессиями против духовенства и формированием системы антирелигиозной пропаганды. Новая власть, не скрывая негативного отношения к религии, направляла на разрушение веры колоссальные пропагандистские усилия [24, с. 18], Конфликт коммунистической идеологии и религиозного мировоззрения отразился в нормах УК РСФСР 1922 г., в котором обнаруживается стремление не столько охранять веру от преступного посягательства, сколько оградить граждан, их мировоззрение от влияния религии [13, с. 78], что указывало на использование психологической и профилактической функций права.

В связи с этим представляется важным сопоставить нормы дореволюционного законодательства, закрепленного в Соборном уложении 1649 г. и советского права, отраженного в Декрете 1918 г. и УК РСФСР 1922 г., защищающих религиозную сферу, которые позволяют выявить резкую смену идеологических и государственных ориентиров. В Соборном уложении самыми тяжкими считались преступления против веры, содержащиеся в Главе 1. Если Уложение устанавливало смертную казнь за богохульство, понимаемое как словесное или иное действие, направленное против христианских святынь, то Декрет 1918 г. устанавливал уголовную ответственность не за веру, а за «воспрепятствование отправлению религиозных обрядов», то есть защищался не обряд, как сакральный акт, а право на обряд, право им пользоваться, гарантируя недопущение беспорядков или ущемления прав других. Тем самым менялся объект охраны: вместо защиты сакрального (религиозных догм, обрядов, устоев) – защита права гражданина на совершение обряда. Однако оба акта исходили из того, что государство как главный субъект, не признающий автономию личности, контролирует мировоззренческую сферу, определяя границы религиозной свободы. Позже данный подход получил продолжение в УК РСФСР 1922 г., в котором уголовная ответственность наступала не за саму веру или за про-

ведение обряда, а за воспрепятствование его отправлению - то есть за действия, нарушающие право на свободное (в установленных рамках) вероисповедание. Тем самым в условиях воинствующего атеизма фокус внимания смещался на публичность, чтобы не допускать использование религиозных предрассудков в враждебных целях. Если обряд нарушал общественный порядок или ущемлял права других людей, государство было вправе вмешаться. В качестве наказания определялось лишение свободы.

В конце 1920-х – 1930-е гг. жесткие методы административно-командной системы привели к тотальному наступлению на религию. Обвинение религиозных организаций в антисоветских действиях вызвало массовое закрытие храмов и молитвенных домов, репрессии против священнослужителей и религиозных активистов. Постановление ВЦИК и СНК РСФСР «О религиозных объединениях» от 8 апреля 1929 г. свело деятельность религиозных организаций к удовлетворению потребностей верующих в молитвенных зданиях [10, с. 50]. Конституция 1936 г. признавала свободу отправления религиозных культов и свободу антирелигиозной пропаганды, но не религиозной, что существенно ограничивало свободу совести, исказив ее суть.

Во время Великой Отечественной войны (с 1943 г.) произошло изменение вероисповедной политики государства, что объяснялось ориентиром руководства страны на патриотизм для мобилизации народа. В сентябре 1943 г. состоялась встреча И.В. Сталина с церковными иерархами, позволившая начать православное возрождение и рассмотреть условия сосуществования церкви с действующей властью. Это способствовало восстановлению патриаршества, избранию нового Патриарха (Сергия Страгородского), восстановлению отдельных церковных структур. Советская власть, возглавляющая атеистическое государство, под давлением обстоятельств, кардинально поменяла откровенно враждебное отношение к церкви на терпимое. Нуждаясь в церкви, оно сделало религию политическим инструментом. Однако происходящие перемены строго контролировались: Сталин инициировал создание отдельного ведомства

- Совета по делам Русской Православной Церкви при СНК СССР. Логичным продолжением данного курса стали Постановления СНК СССР: от 11 декабря 1944 г., допускающее деятельность церквей на освобожденных от немецко-фашистских оккупантов территориях; от 22 августа 1945 г., давшее религиозным организациям ограниченное право юридического лица, что позволило им приобретать имущество, арендовать помещения, осуществлять строительство. В результате подобных перемен церковная жизнь оживилась: появлялись новые храмы и духовные учебные заведения, формировалась издательская основа патриархии. Тем не менее с 1948 г. обозначилась обратная тенденция, означавшая отход от прежнего курса «потепления», выразившаяся в приостановке возведения и открытия новых храмов, в усложнении процедуры регистрации для новых общин, в ужесточении контроля за деятельностью церкви и усилении административного прессинга на религиозные организации. Во много это было вызвано начавшейся холодной войной, расколовшей мир на два противоположных лагеря. В условиях идеологического давления Запада, религиозные организации, воспринимаемые как возможный инструмент чуждого влияния, руководство страны стремились контролировать, ограничивая их самостоятельность. Тем самым после войны руководство страны возвратилось к антирелигиозному курсу, но в меньшем масштабе, чем прежде. Несмотря на то, что социалистическая идеология предусматривала вытеснение религии, как «пережитка», препятствующего построению нового общества, но к полной ликвидации религиозных институтов и церкви государство не стремилось, полагая, что религия в процессе повышения образованности населения и распространения атеистического мировоззрения, исчезнет сама. Это побудило власть активизировать просветительскую деятельность, заниматься распространением научных знаний, проводить атеистические мероприятия в школе.

В 1953 г. в религиозной сфере наблюдалось определенное оживление, что проявилось в росте обращений верующих на открытие церквей, в стремлении многих храмов придерживаться регулярного графика проведения богослужений. Однако атеистическая, антире-

лигиозная работа была в кризисе, преобладающее значение имела культурно-просветительская пропаганда. В дальнейшем религиозные организации столкнулись с более агрессивными методами и возрастающими ограничениями. Церковь оказалась в трудной ситуации, верующие испытывали постоянное давление. Открытые на короткий период церкви, монастыри, духовные учреждения подлежали закрытию, отменялась регистрация религиозных сообществ, сужались экономические возможности религиозных организаций.

При Н.С. Хрущеве началось новое наступление на религию, в ходе которого идеологическое и экономическое давление на церковь усилилось. Этому были посвящены два Постановления Совета Министров СССР от 16 октября 1958 г.: «О монастырях в СССР», направленное на ограничение их существования и деятельности через уменьшение общего количества обителей и земельных угодий, находящихся в их пользовании, запрещение наемного труда, повышение налогов; «О налоговом обложении доходов предприятий епархиальных управлений, а также доходов монастырей», подрывающее финансовое и экономическое положение церкви, устанавливающее повышенные ставки налогов для земельных участков монастырей.

Во многом это было вызвано критическим отношением к сталинской эпохе и продиктовано задачей, провозглашенной в новой Программе партии - создать безрелигиозное общество [18]. Уменьшить влияние церкви рассчитывали через совершенствование законодательства. В октябре 1960 г. в Уголовном кодексе РСФСР было увеличено наказание за нарушение законов об отделении церкви от государства [7, с. 71-72]. Идеологическая поддержка антирелигиозной кампании проявилась в активной пропаганде «научного атеизма». Большое влияние на очередное ужесточение курса в отношении религии оказало секретное постановление ЦК КПСС «О недостатках научно-атеистической пропаганды» от 4 октября 1958 г., призывающее осуществить пропагандистскую атаку на «пережитки» прошлого. Все было направлено на то, чтобы сделать религию «частным делом», полностью исключив возможность ее существования в общественном пространстве.

Свободу совести воспринимали не столько как право не исповедовать религию, сколько как право вести атеистическую работу. По отношению к верующим, активно выражающим свои взгляды, использовались меры дискриминационного характера. С окончанием хрущевского периода антирелигиозная кампания стала сворачиваться, так и не достигнув поставленных целей – религия сохранялась в виде культурной и семейной традиции, включаясь в общий культурный код народа и жизнь каждой семьи.

При Л.С. Брежневе стратегическая цель искоренения религии как чуждой и опасной идеологии осталась неизменной. При этом власть была вынуждена отказаться от открытой борьбы, массовых репрессий и откровенной агрессивности. Антирелигиозная политика сосредоточилась на постепенном, методичном вытеснении веры из народного сознания через развертывание масштабной атеистической пропаганды. Серьезное внимание уделялось проведению индивидуальной работы с верующими, особенно с детьми и молодежью. испытывающими влияние набожной семьи. Контроль за церковной деятельностью власть осуществляла через уполномоченных Совета по делам религий [22, с. 46]. Между тем именно в этот период обозначился приток молодежи в церковь, которая стала проявлять активный интерес к духовным вопросам. Обращение к вере объяснялось любознательностью, душевным кризисом, стремление приобщиться к традиционным ценностям и культурному наследию.

Позитивный сдвиг наметился в 1975 г. в связи с внесением изменений в Постановление ВЦИК и СНК РСФСР «О религиозных объединениях» 1929 г., которые раздвинули рамки существования религиозных организаций, улучшив имущественные права церкви. Смягчение давления было вызвано разрядкой мировой напряженности и подписанием Хельсинкского Соглашения по безопасности и сотрудничеству в Европе от 1 августа 1975 г., где был зафиксирован принцип уважения прав и свобод человека, среди которых значилась свобода мысли, совести, религии [10, с. 51].

В новой Конституции СССР 1977 г. ст. 52 гарантировала свободу совести в СССР при одновременном закреплении права на «ате-

истическую пропаганду», что обеспечивало институциональное превосходство государству и государственной идеологии. Статья, подтверждая принцип отделения церкви от государства и школы – от церкви, содержала новое важное положение о том, что возбуждение вражды, ненависти в связи с религиозными верованиями запрещается, что свидетельствовало об изменении отношения к верующим. Вместе с тем религиозные организации, как и прежде, не имели прав юридического лица и были ограничены в своей деятельности, сосредоточившись исключительно на отправлении культа. Советский вариант свободы совести, по утверждению О.К. Шиманской, в течение всего времени был далек от подлинной реализации, воплотив новую, неизвестную ранее, модель принуждения личности, навязывания ей мировоззренческой позиции, отрицая выбор в принципе. Все это делает государство светским, но обладающим явно атеистическим, антирелигиозным характером [27, с. 313].

Переломный этап, кардинально изменивший ситуацию, начался в середине 1980-х гг., когда атеистический характер государства стал меняться на светский, когда идеологическая сфера под влиянием перестроечных настроений и либерализации начала постепенно освобождаться от диктата атеизма. Государственно-церковные отношения изменялись, позволив снять ограничения на деятельность религиозных организаций. Церковь, обретая самостоятельность, повышала свою роль в жизни общества, которое по-новому стало смотреть на церковь, стремясь к всесторонней оценке ее вклада в отечественную историю и духовное наследие. Верующим возвращались здания, в поврежденных храмах проводилась реставрационные работы, строились сооружения для иных конфессий. [27, с. 313]. Возрождение церкви во многом стало возможным благодаря празднованию 1000-летия Крещения Руси в 1988 г. В 1990 г. был принят Закон СССР «О свободе совести и религиозных организациях», гарантировавший права граждан на определение и выражение своего отношения к религии, а затем Закон РСФСР «О свободе вероисповеданий», открывший путь к освобождению духовной сферы от государственного диктата и контроля, что благоприятно

отразилось на интересах верующих, предоставив каждому право выбора в отношении религии, а религиозным организациям создав нормальные условия для существования и деятельности.

Все это позволяет рассматривать эти законы как переломный момент в развитии государственно-конфессиональных отношений, который трансформировал правовую базу, возвращая конфессиям возможность влиять на духовную жизнь общества и активно участвовать в ней, раздвигая рамки свободы личности в вопросах веры. Религиозные объединения наконец обретали статус юридического лица, что значительно расширило их возможности. Им разрешалось основывать учебные заведения духовного характера для детей и взрослых, осуществлять образовательный процесс, проводить социальную и благотворительную работу. Отныне на законодательном уровне устанавливалось равенство всех конфессий, закреплялась свобода совести как свобода убеждений самого человека. Данные законы легли в основу постсоветской модели, в которой понимание свободы совести кардинально изменилось по сравнению с советским вариантом как инструментом идеологического контроля, сместившись в сторону права человека самому выбирать свои мировоззренческие ориентиры.

Принятие 12 декабря 1993 г. Конституции РФ обозначило процесс становления новой конфигурации государственно-церковных отношений, утвердившей модель светского государства, в котором никакая религия не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной. Религиозные объединения отделены от государства и равны перед законом. Свобода совести занимает важное место в системе гражданских прав и свобод. Согласно ст. 28 граждане РФ равны в своих правах и свободах, независимо от отношения к религии. Последующий федеральный закон «О свободе совести и религиозных объединениях» от 26 сентября 1997 г. подтвердил право каждого на свободу совести и свободу вероисповедания, равенство религиозных объединений, равенство перед законом, независимо от отношения к религии и убеждений. Исходя из светского характера государства, отмечается уважение по отношению ко всем религиям,

как части исторического наследия народов России, при этом признается особая роль православия в истории отечественной государственности, в становлении и развитии ее духовности и культуры.

В постсоветский период ориентир на либеральный курс в вопросах веры, отмена обязательной государственной регистрации, ослабление контроля спровоцировали оживление множества религиозных организаций, включая сектантские. Они представляли опасность для человека, общества, государства, обладая внушительными каналами и ресурсами воздействия на население. Привлекая людей в свои группы, установив тотальный контроль, преследуя корыстные цели и личную выгоду, они могли лишить человека способности критически мыслить, принимать самостоятельные решения, заставить отказаться от своей идентичности, семьи, детей, разорвать все профессиональные и социальные связи, что вызывает социальную напряженность и конфликты. Власть в советский и постсоветский периоды обладала разным арсеналом средств и методов противодействия данным явлениям, что объяснялось противоположными подходами. В советское время преобладал административно-репрессивный подход, характерный для всей антирелигиозной политики государства, не выделяющей борьбу с экстремизмом и деструктивными группами в отдельное направление, что выдвигало в центр внимания контроль и подавление, а не защиту граждан от угроз. Постсоветский этап характеризовался переходом от полной свободы к постепенному ужесточению регистрации для недавно созданных религиозных объединений, защите от реальных угроз, законодательному регулированию, профилактической деятельности, информационным и просветительским мероприятиям, привлечением РПЦ к этой работе. При этом уроки прошлого подтверждают, что запретительные меры способны привести к обратному результату, любое давление вызывает сопротивление, протестное движение, запуская защитный механизм, направленный на выживание, поиск обходных путей, не исключающий радикальные проявления. Запреты, принуждения, подавления в вопросах веры деструктивны, они не могут привести к ликвидации религии, как атеизм не может

заменить веру, которая человеку необходима больше, чем сама религия. Исходя из этого, преодолеть религиозный экстремизм возможно только комплексно, через совершенствование законодательства о свободе совести и его эффективную реализацию, формирование механизмов правового регулирования, не допускающих дискриминацию, поддержание содержательного диалога с традиционными конфессиями, религиозными организациями, а также устранение социального неравенства [3, с. 86].

Советская эпоха, обладающая идеологически противоположными чертами по сравнению с империей, подтверждает преемственность в главном: человеку было отказано в выборе своих убеждений, поскольку религия, будучи важным социальным феноменом, находилась в фокусе внимания власти, не являясь личным делом человека, и только государство было вправе устанавливать границы допустимой духовности и веры в бога. Но именно советский вариант религиозной политики, представляющий по сути антирелигиозную стратегию и, несмотря на все усилия, показавшую свою несостоятельность, подготовил почву для отхода от него в дальнейшем и восстановления подлинного осмысления свободы совести в постсоветской стране. Российский опыт доказывает, что пренебрежение правом на свободу совести или превращение его в политический инструмент порождает общественное недовольство и неустойчивость государства. Между тем, этапы расширения реальной религиозной терпимости, отличающие время правления Екатерины II, перемены 1905 г., изменения в конце 1980-х гг. соответствовали стадии преобразования и упрочения единства и целостности России.

**Заключение**

Исследование, обращенное к истории формирования государственно-конфессиональных связей в России в течение более чем тысячелетнего развития приводит к следующим выводам:

1. Представлена авторская периодизация, объединяющая этапы от принятия христианства на Руси и воплощения заимствованной в Византии «симфонии властей» до складывания «иерархии кон-

фессий» и последующих перемен, характеризующих имперский и советский форматы, которая сделала возможным обобщить и привести в систему многовековую эволюцию конфессиональной стратегии государства.

Основой авторской периодизации государственно-конфессиональных отношений в России, охватывающей этапы от Крещения Руси до постсоветской модели, является совокупность взаимосвязанные между собой критериев. Взятые в комплексе, они позволяет определить не только временные рамки, но и последовательность изменений конфигурации взаимоотношений государства и религиозных организаций.

Важнейшим критерием выступает формально-юридический, предполагающий исследование правовых источников и нормативных актов, относящихся к разным периодам (Древнерусское государство, Московия; Российская империя; советская эпоха). Переход к другому этапу можно обнаружить обращаясь к главному показателю - трансформации правового статуса религиозных организаций и свободы вероисповедания. Это помогает выяснить присутствие принципа веротерпимости и особенности его реализации, наличие одинакового правового статуса религиозных объединений, а также насколько независимо друг от друга существуют государство и церковь.

Другим важным критерием, исходя из разграничения понятий (свобода совести, свобода вероисповедания, веротерпимость), является содержательный, учитывающий наличие реальной свободы совести и веротерпимости, их объем. Значительная часть отечественной истории характеризовалась отсутствием у личности свободы совести и веротерпимостью, ограниченной государством. Непродолжительные стадии расширения веротерпимости (при Екатерине II, Николае II в 1905 г., в конце 1980-х гг.) неизбежно чередовались с фазами сужения веротерпимости и ужесточения. Формально в Российской империи была установлена веротерпимость, которая отражала особый подход государства к религии, идущего на определенные уступки и допускающего многообразие, но исключающего правовое равенство и самостоятельность взглядов, что возможно только в рамках свободы совести. В

СССР вместо провозглашенной свободы совести утвердилась свобода антирелигиозной пропаганды. Путь к свободе совести как возможности мировоззренческого самоопределения и свободы убеждений (религиозных или атеистических) был открыт благодаря законам 1990 г.

К значимым критериям относится институциональный, отражающий модель взаимоотношений государства и церкви, которая менялась от этапа к этапу (вначале «симфония властей», затем «иерархия конфессий», в последствии Синодальная модель с подчинением церкви государству, в дальнейшем утверждение атеистической модели, направленной на вытеснение религии и наконец – модель светского государства, закрепившая автономию личности и равенство конфессий). Положение церкви менялось от равноправного сотрудничества и взаимодействия с властью до подчиненного государству института, а затем полного отделения от государства.

Существенным является критерий конфессиональной иерархии и правового статуса иноверцев, тем более, что в России сложилась своеобразная модель веротерпимости, отразившаяся в «иерархии конфессий», предусматривающей неравенство религий. При этом на разных этапах православие занимало главенствующее положение. Имелись терпимые конфессии, допуск которых объяснялся прагматизмом власти, государственными или внешнеполитическими интересами. Существовали и нетерпимые группы, которые большей частью преследовались. Законодательное закрепление это получило в Соборном Уложении 1649 г. Указ 1905 г. стал проявлением частичной либерализации, попыткой установить равенство конфессий, однако важнейшие привилегии православия были сохранены. Советская эпоха вместо иерархии предложила атеистический проект, основанный на господстве социалистической идеологии, неприятии и вытеснении религии, как пережитка, но даже в этих условиях государство стремилось контролировать и регламентировать религиозную жизнь и объем религиозной свободы.

Учитывая важность прав и свобод человека, ключевым критерием выступает аксиологический. Он выявляет отношение к автономии личности в вопросах веры, когда государство признает или отрицает

свободу человека в выборе взглядов и убеждений. Исходя из этого, и в имперский, и в советский периоды личности отказывалось в праве на самостоятельный выбор, на свободу совести. Государство брало на себя управление и контроль мировоззренческой сферы, считало вправе устанавливать границы религиозности и веротерпимости. В постсоветское время, благодаря законам 1990 г., наступил переломный момент, ознаменовавший признание самостоятельного выбора убеждений за самим человеком, свободы совести как индивидуального неотъемлемого права личности. Именно данный критерий объединяет имперскую и советскую модели.

Одним из критериев является целевой, который позволяет охарактеризовать религиозную политику в России и веротерпимость как избирательную, утилитарную, зависящую от государственной целесообразности и прагматизма. Этот критерий помогает определить периоды, когда расширение веротерпимости приводило к конструктивным результатам, способствовало: привлечению иностранных специалистов к участию в модернизации в правлении Петра I, Екатерины II; интеграции окраин и предупреждению межрелигиозных столкновений; укреплению единства и целостности страны; патриотической мобилизации в годы Великой Отечественной войны. Тем самым власть воспринимает религию в качестве ресурса для решения важных государственных задач.

К существенным критериям относится идеологический критерий, учитывающий смену господствующей идеологии. В Российской империи православие, будучи государственной религией, являлось идеологической опорой самодержавия; в СССР атеизм, как часть государственной идеологии, был призван вытеснить религию из всех сфер; постсоветский период отличался светской моделью и мировоззренческим плюрализмом. При этом смена идеологического вектора не исключала государственный контроль над религиозной сферой, который продолжался до принятия законов 1990 г.

2. Введение христианства на Руси не только обусловило долговременную траекторию изменений государственно-конфессиональных взаимосвязей, но и обрело значение основополагающего

цивилизационного и политико-географического ориентира, а также мощного интеграционного фактора в условиях огромной территории, раскинувшейся на евразийских пространствах.

3. Религиозная терпимость в России на протяжении всей истории была относительной, связанной с государственной целесообразностью. Власть использовала веротерпимость избирательно, ситуативно, в зависимости от изменившихся обстоятельств в условиях расширения территорий, утилитарно, исходя из конкретных государственных задач, требующих прагматичного подхода. Веротерпимость, характерная для Древнерусского государства, укрепилась во время татаро-монгольского владычества, к концу XVII в. она воплотилась в «иерархию конфессий» - упорядоченную систему распределения религий по статусу, которую определяло и закрепляло государство. Наибольшим объемом прав и привилегий обладало православие, находившееся на вершине данной иерархии в силу своего первенствующего положения. Несмотря на статус господствующей религии, правовые основы государственно-церковных отношений уточнены и тем более документально закреплены не были, что обрекало ее на реальную подчиненность государству, которое позволяло определять границы и объем религиозной свободы по своему усмотрению.

4. Имперский вариант религиозной политики отличалась противоречивостью: с одной стороны, веротерпимость имела тенденцию к постепенному расширению, с другой – православие, будучи господствующей религией, укрепляло свои позиции. Указ 1905 г. ознаменовал лишь начало движения к свободе совести, не предоставив ее в полном объеме: юридически было разрешено переходить из православия в другое христианское исповедание без последствий, однако конфессии уравнены не были в связи с особым статусом православной церкви. При этом юридически в Российской империи была закреплена не свобода совести, а веротерпимость как возможность исповедовать религию, отличную от господствующей, но с множеством оговорок и в четко определенных, порой предвзятых, рамках.

5. Советский период, будучи наиболее решительным и кардинальным во всем, означающим полный отказ от прошлого, при-

держивался главной особенности: религию государственная власть держала в центре внимания, считая сферой своей ответственности, которой следует управлять и регулировать. Декрет 1918 г. закрепив отделение церкви от государства, обозначил отправную точку в построении безрелигиозного общества и атеистического государства. И даже в рамках кратковременного смягчения курса в отношении церкви (1943 г., 1970-е гг.) государство не прекращало ее контролировать. Советский вариант государственно-конфессиональных отношений, представляя абсолютную идейную противоположность имперской альтернативе, выявил схожий подход: государство, не оставляя человеку выбора, само указывало границы приемлемой религиозности, набожности, руководствуясь своими интересами.

6. Несмотря на идейную несовместимость и антагонизм имперского и советского примеров, установлена глубокая преемственность между ними, состоящая в отрицании автономии личности и ее права на свободный выбор убеждений, веры или безверия, в осознании мировоззрения и духовной сферы как средства социального управления и регулирования. Тем самым, при всем антагонизме двух идеологически противоположных систем, их объединял подход к мировоззрению как к инструменту. И в дореволюционной России, опирающейся на православие, и в СССР, стремящемся построить атеистическое государство, власть не считала религию пространством свободы, рассматривая ее в качестве ресурса для достижения поставленных государством целей, лишая тем самым человека свободы в вопросах веры и убеждений. Различие состояло в контрастах идеологий и мировоззренческих основ, с одной стороны религиозной Империи, поддерживающей православную церковь, а с другой - атеистического Советского Союза, нацеленного на вытеснение и ликвидацию религии.

7. Представленная периодизация показывает, что стадия, отличающаяся развитием религиозной терпимости, соответствует времени проведения масштабных трансформаций и упрочения единства и целостности страны. Политика Екатерины II стимулировала расширение и освоение новых территорий; преобразования 1905 г. по-

низили уровень напряжение в обществе; уменьшение ограничений конца 1980-х гг. и введение законов 1990 г. открыли возможность для поиска новой стратегии отношений к конфессиям. Между тем фаза усиления антирелигиозной политики вызывает рост общественного недовольства.

8. Введение законодательства о свободе совести в 1990 г. стало переломным моментом, точкой отсчета начавшегося процесса трансформации от модели управления и контроля к признанию автономии личности и свободы выбора убеждений. Благодаря возвращению религиозным объединениям статуса юридического лица они получили возможность создавать духовные образовательные заведения, заниматься социальной и культурно-просветительской деятельностью. Значительным достижением стало закрепление равноправия всех конфессий перед законом. Законы 1990 г. послужили правовым фундаментом для конструирования постсоветской модели государственно-конфессиональных отношений, которая утверждается несмотря на глубоко укоренившуюся многовековую практику государственного контроля.

Таким образом, выполненное исследование подкрепило гипотезу о том, что в течение всего исторического процесса вопросы веры находились в центре внимания государства, которое, отрицая автономию личности, само устанавливало пределы религиозности, веротерпимости. Отечественный опыт подтверждает, что отказ личности в праве выбора своих убеждений, веры или использование мировоззренческой сферы и религии как средства управления закономерно вызывает напряженность и дисбаланс в обществе, а противоположный курс, направленный на расширение религиозной терпимости и поликонфессиональности, благоприятно влияет на общество и государство. В условиях новых вызовов и рисков, вызванных давлением Запада, опасными проявлениями религиозного экстремизма, разрушительными действиями деструктивных культов следует опираться на весь накопленный опыт. В России, изначально складывающейся как полиэтничная и поликонфессиональная цивилизация, особенно востребована модель отношений государства и

конфессий, основанная на диалоге, взаимодействии и сотрудничестве, обеспечивающая равные условия для верующих и неверующих граждан, не допускающая межрелигиозных разногласий [27, с. 314], что возможно при соблюдении светского характера государства и свободы совести.

В качестве новых направлений последующего анализа можно выделить: Реализация на практике принципа равенства конфессий в современной России с учетом внесений изменений в Конституцию РФ на примере отношения государства с «традиционными» и «нетрадиционными» религиями. Реализация права на свободу совести в постсоветской России. Роль религии в формировании национальной и гражданской идентичности.

***Список литературы***

1. ВЦИОМ: более 80% россиян считают себя верующими (2025). Редакция сайта ТАСС. URL: https://tass.ru/obschestvo/24601365
2. Гавриленков, А. Ф. (2015). К вопросу о религиозной ситуации в Российской империи в 1903–1917 гг. *Теологический вестник Смоленской Православной Духовной Семинарии, 1*(1), 48–54. EDN: https://elibrary.ru/YJAXDP
3. Гусаим, И. В. (2025). Этнорелигиозный экстремизм как угроза государственной и общественной безопасности. *Закон и право, 9*, 74–88. DOI: https://doi.org/10.24412/2073-3313-2025-9-74-88. EDN: https://elibrary.ru/GMVXNY
4. Дорская, А. А. (2002). Правовой статус подданного российской империи в начале XX века: вероисповедный аспект. *Известия РГПУ им. А. И. Герцена, 2*, 215–223. EDN: https://elibrary.ru/KXNOIB
5. Дорская, А. А. (2016). Российская конституционно-правовая традиция регулирования свободы совести. *Вестник МГПУ. Серия «Юридические науки», 1*(21), 17–24. EDN: https://elibrary.ru/VQSYYL
6. Жукова, Е. М. (2024). Реализация принципа веротерпимости в Российском государстве: прошлое и настоящее (геосоциальный подход). *Философская мысль, 8*, 31–52. DOI: https://doi.org/10.25136/2409-8728.2024.8.71301. EDN: https://elibrary.ru/LGHVXK
7. Зинчук, С. М. (2019). Хрущевская антирелигиозная кампания 1954–1964 гг.: практическая реализация и результаты. *Вестник КГУ, 1*, 71–75.
8. Иванов, Д. В. (2022). Мониторинг правонарушений экстремистской направленности, совершаемых на основе радикальной религиозной идеологии, и противодействие им. *Сетевое издание «Академическая мысль», 2*(19), 118–122.

9. Иванюк, О. А. (2010). Свобода совести и свобода вероисповедания: соотношение понятий и границы законодательного регулирования. *Журнал российского права, 9*, 46–58. EDN: https://elibrary.ru/NDLYEJ
10. Исмаилов, А. Ш. (2010). Свобода совести в истории России. *Исламоведение, 3*(5), 47–59. EDN: https://elibrary.ru/NCDFBP
11. Карева, А. В. (2026). Тенденции секуляризации в условиях глобализации и современных вызовов. В *Аланское православие: история и культура: сборник материалов XIV международных Свято-Георгиевских чтений «Православие. Этнос. Культура»* (с. 169–183). Владикавказ: ВНЦ РАН.
12. Клибанов, А. И. (1965). *История религиозного сектантства в России (60-е годы XIX в. — 1917 г.)* (348 с.). Москва: Изд-во «Наука».
13. Кожевников, И. И. (2022). Свобода совести и вероисповедания в советский период истории России. *Аграрное и земельное право, 9*(213), 77–79. DOI: https://doi.org/10.47643/1815-1329_2022_9_77. EDN: https://elibrary.ru/YGVBLA
14. Куроедов, В. А. (1981). *Религия и церковь в Советском государстве* (264 с.). Москва: Политиздат.
15. Лукьянов, С. А. (2009). Либеральная вероисповедная политика правительства Александра I и ее результаты. *Пробелы в российском законодательстве, 1*, 300–302. EDN: https://elibrary.ru/KOHLUH
16. Мхитарян, Л. Ю. (2023). Влияние дореволюционного российского опыта на формирование принципа религиозной толерантности в современном обществе. *Вестник Прикамского социального института, 2*, 44–50. EDN: https://elibrary.ru/INCBMC
17. Никольский, Н. М. (1983). *История русской церкви* (453 с.). Москва: Политиздат.
18. Новиков, А. В. (2016). Политическая история отношений государственной власти и Русской православной церкви. *Молодой ученый, 8*(112), 793–797. URL: https://moluch.ru/archive/112/28369. EDN: https://elibrary.ru/VWGDED
19. Орлов, М. А. (2022). Веротерпимость и свобода совести в Российской империи. Дискуссии нет конца... *Русская народная линия: информационно-аналитическая служба*. URL: https://ruskline.ru/author/o/orlov_maksim_aleksandrovich
20. Петухов, К. В. (2015). Свобода совести и вероисповеданий в дореволюционном законодательстве России: уголовно-правовой аспект. *Вестник Вятского государственного гуманитарного университета, 11*, 133–137. EDN: https://elibrary.ru/VIDOHL
21. Религия и общество: мониторинг (2023). ВЦИОМ НОВОСТИ. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/religija-i-obshchestvo-monitoring
22. Сазонов, Д. И. (2015). Брежневские гонения на церковь (по материалам Центральной России). *Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова, 6*, 46–50. EDN: https://elibrary.ru/SYCQWT

23. Саидов, А. А. (2021). Исламский фактор российской государственности в доимперский период. *Исламоведение, 12*(1), 41–54. DOI: https://doi.org/10.21779/2077-8155-2021-12-1-41-54. EDN: https://elibrary.ru/MUWJRD
24. Смыкалин, А. С. (2016). Государственно-конфессиональные отношения в СССР. 1917–1930 гг. *Российское право. Образование, практика, наука, 5*(95), 17–23. EDN: https://elibrary.ru/XHWLFV
25. Таламонюк, А. П. (2023). Некоторые аспекты политики веротерпимости в русском государстве в XIV–XVII вв. *Вестник Омской православной духовной семинарии, 1*(14), 68–74. EDN: https://elibrary.ru/MCRXOW
26. Хижняк, В. С., Лядащева-Ильичева, М. Н. (2022). Государственная политика по вопросам церкви и вероисповедания в России середины XVII — начала XX веков. *Вестник Саратовской государственной юридической академии, 3*(146), 34–42. DOI: https://doi.org/10.24412/2227-7315-2022-3-34-42. EDN: https://elibrary.ru/DCYQPO
27. Шиманская, О. К. (2001). Свобода совести в России: история, генезис, современное состояние. *Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Право, 1*, 308–314.

***References***

1. VCIOM: More than 80% of Russians consider themselves believers (2025). TASS News Agency Editorial Board. URL: https://tass.ru/obschestvo/24601365
2. Gavrilenkov, A. F. (2015). On the question of the religious situation in the Russian Empire in 1903–1917. *Theological Bulletin of the Smolensk Orthodox Theological Seminary, 1*(1), 48–54. EDN: https://elibrary.ru/YJAXDP
3. Gusaim, I. V. (2025). Ethnoreligious extremism as a threat to state and public security. *Law and Order, 9*, 74–88. DOI: https://doi.org/10.24412/2073-3313-2025-9-74-88. EDN: https://elibrary.ru/GMVXNY
4. Dorskaya, A. A. (2002). The legal status of a subject of the Russian Empire at the beginning of the 20th century: The religious aspect. *Izvestia of the Herzen State Pedagogical University of Russia, 2*, 215–223. EDN: https://elibrary.ru/KXNOIB
5. Dorskaya, A. A. (2016). The Russian constitutional and legal tradition of regulating freedom of conscience. *Vestnik of Moscow City University. Series: Juridical Sciences, 1*(21), 17–24. EDN: https://elibrary.ru/VQSYYL
6. Zhukova, E. M. (2024). Implementation of the principle of religious toleration in the Russian state: Past and present (a geosocial approach). *Philosophical Thought, 8*, 31–52. DOI: https://doi.org/10.25136/2409-8728.2024.8.71301. EDN: https://elibrary.ru/LGHVXK
7. Zinchuk, S. M. (2019). The Khrushchev anti-religious campaign of 1954–1964: Practical implementation and results. *Bulletin of Kostroma State University, 1*, 71–75.

8. Ivanov, D. V. (2022). Monitoring extremist-motivated offenses committed on the basis of radical religious ideology and countering them. *Academic Thought* (online journal), 2(19), 118–122.
9. Ivanyuk, O. A. (2010). Freedom of conscience and freedom of religion: The relationship between the concepts and the limits of legislative regulation. *Journal of Russian Law, 9*, 46–58. EDN: https://elibrary.ru/NDLYEJ
10. Ismailov, A. Sh. (2010). Freedom of conscience in the history of Russia. *Islamology, 3*(5), 47–59. EDN: https://elibrary.ru/NCDFBP
11. Kareva, A. V. (2026). Trends of secularization in the context of globalization and contemporary challenges. In *Alanian Orthodoxy: History and culture: Proceedings of the 14th international St. George Readings "Orthodoxy. Ethnos. Culture»* (pp. 169–183). Vladikavkaz: VSC RAS.
12. Klibanov, A. I. (1965). *History of religious sectarianism in Russia (1860s–1917)* (348 pp.). Moscow: Nauka Publishing House.
13. Kozhevnikov, I. I. (2022). Freedom of conscience and religion in the Soviet period of Russian history. *Agrarian and Land Law, 9*(213), 77–79. DOI: https://doi.org/10.47643/1815-1329_2022_9_77. EDN: https://elibrary.ru/YGVBLA
14. Kuroedov, V. A. (1981). *Religion and the Church in the Soviet State* (264 pp.). Moscow: Politizdat.
15. Lukyanov, S. A. (2009). The liberal religious policy of Alexander I's government and its results. *Gaps in Russian Legislation, 1*, 300–302. EDN: https://elibrary.ru/KOHLUH
16. Mkhitaryan, L. Yu. (2023). The influence of the pre-revolutionary Russian experience on the formation of the principle of religious tolerance in modern society. *Bulletin of the Prikamsky Social Institute, 2*, 44–50. EDN: https://elibrary.ru/INCBMC
17. Nikolsky, N. M. (1983). *History of the Russian Church* (453 pp.). Moscow: Politizdat.
18. Novikov, A. V. (2016). The political history of relations between state power and the Russian Orthodox Church. *Young Scientist, 8*(112), 793–797. URL: https://moluch.ru/archive/112/28369. EDN: https://elibrary.ru/VWGDED
19. Orlov, M. A. (2022). Religious toleration and freedom of conscience in the Russian Empire: The debates never end... *Russkaya Narodnaya Liniya* (Russian National Line), information and analytical service. URL: https://ruskline.ru/author/o/orlov_maksim_aleksandrovich
20. Petukhov, K. V. (2015). Freedom of conscience and religion in pre-revolutionary Russian legislation: The criminal law aspect. *Bulletin of Vyatka State Humanities University, 11*, 133–137. EDN: https://elibrary.ru/VIDOHL
21. Religion and society: Monitoring (2023). VCIOM News. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/religija-i-obshchestvo-monitoring
22. Sazonov, D. I. (2015). The Brezhnev persecution of the Church (based on materials from Central Russia). *Vestnik Kostroma State University, 6*, 46–50. EDN: https://elibrary.ru/SYCQWT

23. Saidov, A. A. (2021). The Islamic factor of Russian statehood in the pre-imperial period. *Islamology, 12*(1), 41–54. DOI: https://doi.org/10.21779/2077-8155-2021-12-1-41-54. EDN: https://elibrary.ru/MUWJRD
24. Smykalin, A. S. (2016). State–confessional relations in the USSR, 1917–1930. *Russian Law: Education, Practice, Science, 5*(95), 17–23. EDN: https://elibrary.ru/XHWLFV
25. Talamonyuk, A. P. (2023). Some aspects of the policy of religious toleration in the Russian state in the 14th–17th centuries. *Bulletin of the Omsk Orthodox Theological Seminary, 1*(14), 68–74. EDN: https://elibrary.ru/MCRXOW
26. Khizhnyak, V. S., & Lyadashcheva-Ilyicheva, M. N. (2022). State policy on church and religious matters in Russia from the mid-17th to the early 20th centuries. *Bulletin of the Saratov State Law Academy, 3*(146), 34–42. DOI: https://doi.org/10.24412/2227-7315-2022-3-34-42. EDN: https://elibrary.ru/DCYQPO
27. Shimanskaya, O. K. (2001). Freedom of conscience in Russia: History, genesis, and current state. *Bulletin of the Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod. Series: Law, 1*, 308–314.

**ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ**

**Карева Алла Викторовна**, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры теории права и публично-правовых дисциплин, юридический институт
*Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина*
*ул. Семинарская, 15, г. Рязань, Рязанская область, 390000, Российская Федерация*
*nadegdaavk@yandex.ru*

**DATA ABOUT THE AUTHOR**

**Alla V. Kareva**, PhD in History, Associate Professor, Associate Professor, Department of Legal Theory and Public Law Disciplines, Law Institute
*Ryazan State University named after S.A. Yesenin*
*15, Seminarskaya Str., Ryazan, Ryazan Region, 390000, Russian Federation*
*nadegdaavk@yandex.ru*
*SPIN-code: 1927-2139*
*ORCID: https://orcid.org/0009-0001-0482-8302*

Поступила 13.08.2026
После рецензирования 17.09.2026
Принята 20.09.2026

Received 13.08.2026
Revised 17.09.2026
Accepted 20.09.2026